

Министерство высшего и среднего специального образования РСФСР

МОСКОВСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА И ОРДЕНА ТРУДОВОГО
КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. М. В. ЛОМОНОСОВА

Юридический факультет
Кафедра криминалистики

На правах рукописи

КЕРТЭС ИМРЕ

**ТАКТИКА И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ
ОСНОВЫ ДОПРОСА НА
ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ СЛЕДСТВИИ**

Автореферат диссертации
на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Москва—1961

код экземпляра

42278

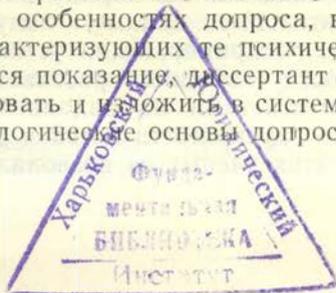
249193

Учение о тактике допроса—есть часть науки криминалистики, ее раздела—следственной тактики. Следственную тактику советская криминалистика рассматривает как систему тактических приемов, используемых при расследовании преступлений для достижения наиболее эффективных результатов, в частности, при проведении отдельных следственных действий по делу. Тактика допроса—есть система приемов планирования, организации и проведения допроса.

Основой тактических приемов допроса являются нормы уголовно-процессуального закона. Следователь, строго соблюдая нормы уголовно-процессуального закона, при разработке тактики допроса исходит из процессуального положения допрашиваемого (свидетель, потерпевший, подозреваемый, обвиняемый), уголовно-правовых особенностей рассматриваемого дела (разные стороны данного состава преступления), состояния расследования (количество и качество ранее собранных по делу доказательств), а также из особенностей тех психических процессов, в которых формируются показания (ощущение, восприятие, память и мышление) и из других личных особенностей допрашиваемого (характер, темперамент, возраст, интересы, склонности, способности и т. д.).

Как криминалистическая техника активно приспособляется для расследования преступлений данные наук—физики, химии, фотографии и др., так и криминалистическая тактика должна разрабатывать научные приемы расследования с использованием достижений науки психологии. Для выявления и исследования материальных следов преступлений и иных вещественных доказательств могут быть применены достижения естественных и технических наук, для выявления же и исследования следов преступлений в сознании людей, могут быть применены достижения науки психологии.

Учитывая большое практическое значение разработки вопросов о тактических особенностях допроса, вытекающих из закономерностей, характеризующих те психические процессы, в которых формируется показание, диссертант поставил своей задачей проанализировать и изложить в систематизированном виде тактику и психологические основы допроса на предварительном следствии.

При написании диссертации автор использовал труды классиков марксизма-ленинизма, законодательные материалы, а также специальную юридическую, физиологическую и психологическую литературу на русском, венгерском и немецком языках.

Автором также была проанализирована практика органов следствия и дознания СССР, Венгерской Народной Республики и некоторых других социалистических государств, кроме того использованы материалы специальных экспериментов, организованных для изучения закономерностей формирования свидетельских показаний и психологические лабораторные опыты общего характера.

Диссертация состоит из введения и двух разделов:

I. Использование науки психологии в тактике допроса буржуазными криминалистами (критический обзор).

II. Применение данных марксистской психологии в тактике допроса в социалистических государствах.

В введении рассматривается значение изучения психологии для разработки приемов тактики допроса.

I

Первый раздел состоит из двух глав.

1. Буржуазная криминальная психология о недостоверности свидетельских показаний.

2. Реакционные методы допроса в современных капиталистических государствах.

В первой главе критически рассмотрены некоторые из основных доводов буржуазных криминалистов и психологов, выразивших глубокое недоверие к показаниям свидетелей, являющимся, по их мнению, судебным доказательством второго сорта.

В первой части главы рассматриваются эксперименты, проведенные буржуазными психологами и юристами в начале XX века для проверки достоверности свидетельских показаний. В диссертации описано несколько из этих экспериментов и на конкретных примерах показана порочность методики их проведения и необоснованность анализа результатов. В целом они не служили интересам установления истины по уголовным делам и окончательно поколебали и подорвали веру буржуазных ученых процессуалистов и криминалистов в достоверность свидетельских показаний. Но наряду с этим отмечаются и некоторые положительные данные, полученные в результате этих опытов, так, например, была установлена большая степень достоверности свободного рассказа допрашиваемого по сравнению с его ответами на заданные вопросы, выявлена большая степень внушаемости детей и др. Однако классовая ограниченность этих ученых не позволила проверить теорети-

ческие положения на практике, а «практика человека и человечества есть проверка, критерий объективности познания»¹.

Особая неприязнь буржуазных криминалистов к свидетельским показаниям объясняется тем, что, с одной стороны, буржуазным судебно-следственным органам и ученым ненавистны свидетели, в своем большинстве состоящие из трудящихся, а, с другой стороны, и то обстоятельство, что свидетели из народа не желают помогать буржуазной юстиции, смотрят на буржуазный государственный аппарат как «на нечто казенно-чуждое»². Наконец, нельзя не отметить и то, что, согласно буржуазной морали, любой свидетель продается и покупается.

Во второй части данной главы подвергаются критике научно необоснованные предложения буржуазных криминалистов и психологов ввести в практику судебно-психологическую экспертизу свидетелей для установления степени достоверности и допустимости в качестве судебного доказательства их показаний. Предрешение вопроса о доказательственном значении и допустимости любого из доказательств противоречит принципу свободной оценки доказательств, является возвращением к их формальной оценке и неприемлемо для следственной практики социалистических стран.

Вторая глава посвящена критическому обзору реакционных методов допроса в современных капиталистических государствах.

Буржуазные психологи пытаются, на основе изучения психологии обвиняемого или некоторых его физиологических функций, предрешать для суда сложный вопрос о правдивости или лживости его показаний.

В этой главе исследуются и подвергаются критике некоторые методы так называемой «психологической диагностики фактического состояния», а также, созданные в их развитии, разные аппараты для обнаружения лжи, применяемые в уголовном процессе некоторых капиталистических стран. Хотя при применении в процессе допроса этих методов и используются некоторые психологические и физиологические закономерности, однако на практике все это приводит к фальсификации доказательств.

Опыт применения этих методов в уголовном процессе современных буржуазных государств показывает, что с их помощью нельзя получить достоверные показания от лиц, желающих обмануть допрашивающего. К ложным результатам приводят они также, будучи применены к лицам, знающим об обстоятельствах преступления, к рецидивистам, путающим старые свои грехи с новыми, и др., не говоря уже о широкой возможности произвольного истолкования результатов испы-

¹ В. И. Ленин, *Философские тетради*, стр. 183.

² В. И. Ленин, *Соч.*, т. 27, стр. 236.

таний. Эти методы нарушают основные принципы демократического уголовного процесса, как то: принцип свободной оценки доказательств судьями по их внутреннему убеждению; принцип непосредственности; право обвиняемого знать, в каком преступлении он обвиняется, и его право на защиту.

Далее в работе рассмотрены и подвергнуты критике «методы» допроса с применением наркотиков и гипноза. Эти «методы» осуждаются даже некоторыми криминалистами в европейских буржуазных государствах, но, несмотря на это, они расцветают в США, в колониях, а также широко применялись в застенках гитлеровской Германии. Криминалисты социалистических стран с отвращением осуждают эти методы глумления над людьми, над медицинской и криминалистической науками, над всеми принципами демократического правосудия.

Несмотря на применение наукообразных приемов допроса, связанных с использованием различных психологических и психофизиологических методов допроса, последние не вытеснили из практики органов юстиции буржуазных государств использование пыток для получения признания обвиняемого.

В диссертации широко освещены материалы, показывающие широкую распространенность и классовое направление пыток на допросах в буржуазных государствах и, особенно, в США.

II

Второй раздел диссертации, посвященный применению данных марксистской психологии в тактике допроса в социалистических государствах, состоит из четырех глав.

1. Использование данных о закономерностях ощущений в процессе допроса.

2. Выяснение условий восприятия фактов, установленных в процессе допроса.

3. Использование особенностей памяти (запоминание, сохранение в памяти, воспроизведение) допрашиваемого в тактике допроса.

4. Некоторые особенности мышления и их использование для получения правдивых показаний.

Первая глава посвящена рассмотрению в свете марксистско-ленинской теории познания тактических вопросов допроса, связанных с закономерностями работы органов ощущений. В ней рассмотрены вопросы о роли ощущения в познании объективной истины и о тактических особенностях допроса, вытекающих из условий работы органов ощущений.

На допросе допрашиваемые излагают, как они ощущали, воспринимали свойства предметов и факты, связанные с уголовным делом. Ощущение, отражая объективную действительность, является результатом воздействия материи на наши органы чувств, поэтому оно объективно по своему содержанию. Но имеется и частичное несоответствие между нашими

ощущениями и качествами предметов, ибо «изображение никогда не может всецело сравниться с моделью»¹.

Многие буржуазные криминалисты это частичное несоответствие между «образом» и «моделью» возвели в принцип и пытались доказать, что нельзя доверять органам чувств и поэтому нельзя верить и свидетельским показаниям.

Изучение природы этих частичных несоответствий может быть очень полезным для криминалиста при оценке достоверности показаний, но нет никаких оснований не доверять показаниям наших органов чувств, «человек не мог бы биологически приспособиться к среде, если бы его ощущения не давали бы ему объективно правильного представления о ней»².

Знание факторов, влияющих на работу органов чувств, помогает следователю выявлять лиц, могущих быть свидетелями определенных обстоятельств, разоблачать симуляции пониженности чувствительности органов чувств, выявлять отдельные части показания, несоответствующие реальной обстановке происшествия, подсказывает некоторые вопросы, которые надо выяснить на допросе. Особенно тщательно должны быть учтены эти факторы при проведении допроса, предшествующего организации следственного эксперимента по установлению видимости или слышимости. Данные вопросы в работе рассматриваются в свете учения академика И. П. Павлова о высшей нервной деятельности.

Важное место уделено вопросам использования данных о закономерностях зрительного ощущения в тактике допроса. В частности, здесь освещены тактические приемы допроса, связанные с выявлением приспособляемости глаза к свету или темноте. Такие вопросы часто возникают по делам об автотранспортных происшествиях, но могут также встретиться и в допросах по другим категориям дел. В диссертации приводятся примеры из следственной практики, наглядно показывающие, как помогает следователю знание этих закономерностей в разоблачении ложного алиби.

В следственной практике часто возникает вопрос о возможности видеть определенные предметы на том или ином расстоянии. В диссертации рассматриваются факторы, положительно или отрицательно на это влияющие; знание этих факторов поможет следователю оценивать достоверность показаний о видимости разных предметов, лиц или событий при определенных условиях.

Важное место в работе уделено тактическим вопросам допроса, связанным с закономерностями слуховых ощущений. Из них особенно большое криминалистическое значение имеет так называемое маскирующее действие звуков и, в частности,

---

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 223.

² Там же, стр. 166.

шумов. Поэтому, если в показании речь идет о слышимости, то при оценке его достоверности должны быть приняты во внимание не только громкость и тон слышанного звука, но и громкость и тон всех одновременно действующих звуков.

В диссертации рассматриваются также и те тактические приемы допроса, которые связаны с показаниями о разных механических свойствах и температуре вещей, воспринятых при помощи кожных ощущений. Экспериментальными данными доказано, что пассивное прикосновение к какому-нибудь предмету не дает человеку каких-нибудь точных сведений о форме предмета. Поэтому не заслуживают доверия показания о формах и внешних свойствах предметов, воспринятых «пассивным» осязанием. Такие показания дают часто потерпевшие об орудии, при помощи которого было совершено преступление, если они не видели самого орудия, а только чувствовали удар, ранение и т. д.

В работе рассматриваются вопросы тактики допроса в тех случаях, когда в показаниях свидетелей характеризуются ощущения обоняния. При их оценке нужно учесть данные о движении воздуха, возможности смешения разных запахов, приспособлении органа обоняния к разным запахам и другие факторы, влияющие на обонятельные ощущения.

Последняя часть данной главы посвящена тактическим особенностям допроса в тех случаях, когда следствие интересуется фактами, связанными с вкусовыми ощущениями. Такие показания встречаются чаще всего при расследовании дел об отравлениях, хищениях в системе общественного питания и т. д. Правильная оценка показаний о вкусовых ощущениях иногда дает ключ к решению вопроса о том, имело ли место убийство или самоубийство, может оказать помощь следователю в разоблачении симуляции отравления и т. д.

Вторая глава диссертации посвящается рассмотрению условий восприятия фактов, содержащихся в показаниях свидетелей или обвиняемых и их тактическому значению, с точки зрения проведения допроса и оценки его результатов. Значение данной проблемы состоит в том, что в показаниях свидетелей или обвиняемых обычно речь идет не о каких-либо отдельно взятых свойствах или качествах, отражающихся в ощущениях, а о предмете в целом, о всех его сторонах в их своеобразном комплексе, отразившемся в восприятиях.

В работе освещаются некоторые тактические вопросы допроса, связанные с общими закономерностями восприятий. В частности, рассматривается вопрос о целостности восприятий. Отсутствие элементы и детали воспринимаемого объекта часто восполняются самим воспринимающим лицом, а это в свою очередь иногда приводит к ошибочным показаниям. Данное положение имеет важное значение для следственной прак-

тики и должно быть учтено следователем, особенно при анализе показаний о предметах, явлениях, воспринятых при неблагоприятных условиях.

В процессе восприятия органы чувств взаимодействуют, дополняют друг друга. При допросе нужно соответствующим образом выяснить, какие органы чувств участвовали в восприятии того явления, о котором дается показание. Такие сведения облегчают оценку показаний и могут быть эффективно использованы для их проверки путем проведения следственного эксперимента и опознания.

Восприятия улучшаются вследствие выработки привычных представлений. Следователю это говорит о том, что свидетелей нужно искать среди лиц, имеющих дело именно с интересующими нас предметами или явлениями, и что при оценке достоверности показаний нужно также учитывать вероятность более точного восприятия деталей лицами, имеющими в данной области привычные представления, особенно если по обстоятельствам дела имеют значение не бросающиеся в глаза, а какие-либо малозаметные детали.

Показания о фактах, воспринятых разными лицами, могут совпадать частично или полностью, но иногда они совсем расходятся. Попытки решать вопрос о доказательственном значении совпадающих или расходящихся по своему содержанию показаний по их количеству, не приемлемы. Доказательства должны быть проверены и оценены не сами по себе, не по их количеству, а по существу, по внутреннему убеждению следователя, основанному на всестороннем полном и объективном рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности, руководствуясь законом и социалистическим правосознанием.

Затем рассматриваются вопросы тактики допроса при выяснении пространственных отношений. При допросах нередко возникает вопрос об отдаленности определенных предметов или лиц друг от друга и от наблюдателя, о их местоположении и взаиморасположении, а также о их форме и величине. Следователь должен иметь хотя бы общее представление о процессе образования зрительных и слуховых восприятий пространства, чтобы знать, на какие обстоятельства следует обращать внимание при возникновении в процессе допроса указанных вопросов.

В следующей части данной главы рассматриваются тактические вопросы, возникающие на допросе при выяснении обстоятельств, связанных с восприятием времени. Знание закономерностей восприятия времени способствует тому, чтобы следователь смог свести на допросе менее точный вид восприятия к более точному, оказать помощь допрашиваемому в правильном подборе точек отсчета времени, сумел правильно определить очередность задаваемых вопросов о времени и правильно оценить полученные показания.

Допрашиваемые часто говорят в своих показаниях о локализации во времени события прошлого не непосредственно на основе воспоминания о восприятии времени, а путем разных умозаключений. Они иногда анализируют события, разлагают их на части, а потом, после определения длительности каждого компонента в отдельности, слагают их; производят отсчет времени от определенной даты; воспроизводят в памяти ранее подсчитанное время; сравнивают длительность события с другим, определенным отрезком времени и т. д.

Следователь должен установить на допросе, каким путем пришел допрашиваемый к выводу о локализации во времени определенного события прошлого. Это дает ему возможность проверить факты, положенные в основу умозаключения допрашиваемого и тем самым проверить правильность сделанных им выводов, поскольку доказательственное значение имеют факты, лежащие в основе выводов, а не умозаключения допрашиваемого.

В диссертации рассматриваются некоторые вопросы тактики допроса, связанные с показаниями о воспринятой речи. Восприятие речи—это не простой комплекс слуховых ощущений, в речи воспринимается ее содержание, заложенные в ней мысли. Если допрашиваемый не знает языка, на котором велась речь, он не может ее воспринять. Неправдоподобными являются показания о том, что допрашиваемый слышал речь на недостаточно понятном ему языке или на непонятную для него тему и при этом запомнил целые фразы. Эти положения должны быть учтены следователем и при формулировке задаваемых допрашиваемому вопросов. Особенно тщательно следует выяснить на допросе факторы, повлиявшие на восприятие речи во время интересующего следствия события, если предполагается организовать проверку этого показания путем проведения следственного эксперимента.

Речь каждого человека имеет свои индивидуальные особенности, это и создает возможность организовать опознание по речи.

Внимание человека, когда он говорит, как правило, прежде всего обращено на содержание речи, а не на ее форму. Именно поэтому в следственной практике редко можно встретиться с показаниями, содержащими точную, дословную передачу слышанной речи. Нет оснований поэтому выражать недоверие допрашиваемому только на том основании, что он излагает слышанный разговор своими словами.

Важное место в диссертации уделено тактике допроса с учетом особенностей внимания допрашиваемого.

Из чрезвычайного многообразия окружающей среды человек выделяет несколько предметов и явлений, а иногда даже только какой-то один из них, который становится объектом восприятия. Психическая деятельность человека направлена

на восприятие того, что для личности в данное время имеет наибольшее значение. Изучение этого явления дает возможность следователю правильно определить круг возможных свидетелей и правильно оценить, какие факты мог допрашиваемый заметить или не заметить.

Путем изучения личности, интересов, задач, убеждений, т. е. факторов, оказывающих влияние на внимание, нужно попытаться объяснить имеющиеся расхождения в показаниях разных лиц. Желательно допросить о том же факте разных лиц с различными интересами, чтобы получить возможность всесторонне воссоздать связанный с преступлением факт, имевший место в прошлом.

Непроизвольное внимание вызывается внешними причинами, яркостью, контрастностью, необычностью, динамичностью и другими особенностями предметов и явлений. Так как пьянство, хулиганство, драки и всякие другие аморальные и антиобщественные деяния в социалистическом обществе всегда являются контрастно выделяющимся явлением, они всегда привлекают внимание граждан. Если определено время совершения преступления, то, установив лиц, побывавших вблизи места преступления, можно найти свидетелей.

Усиление роли общественности в борьбе с нарушением общественного порядка и с преступностью в СССР и других социалистических странах проявляется, между прочим, и в том, что все большее значение получают в расследовании преступлений те заявления и показания граждан, в основе которых лежат факты, воспринятые ими с сознательно поставленной целью оказать помощь органам дознания и расследования в предупреждении и расследовании преступлений.

Преднамеренное внимание характеризуется целенаправленностью и, по сравнению с непроизвольным вниманием, повышенной устойчивостью.

В третьей главе рассмотрены вопросы об использовании особенностей процессов памяти допрашиваемого в тактике допроса. Знание закономерностей запоминания, сохранения и воспроизведения воспринятого способствует следователю в проведении допроса на высоком уровне, помогает правильно решить такие важные вопросы, как например, определение срока проведения допроса, возможность проведения повторного допроса и облегчает оценку достоверности показаний.

В первой части главы изложены вопросы тактики допроса, связанные с особенностями процесса запоминания.

Свидетельские показания, в основе которых лежит преднамеренное запоминание, являются чрезвычайно ценными, потому что задача такого запоминания, поставленная свидетелем самому себе и направленная на более точное запоминание, способствует точности, полноте и прочности памяти. Это лишний раз подчеркивает значение правовой пропаганды: тот,

кто знает основы уголовного процесса, легче запомнит важные обстоятельства, случайно оказавшись свидетелем преступления.

Необходимым условием преднамеренного запоминания предмета является действие с ним, причем хуже запоминаются предметы, относящиеся к способам действия, чем к цели этого действия. Непреднамеренно запоминаются обстоятельства, вызвавшие определенные затруднения, заставляющие человека призадуматься. Такие сведения могут быть успешно использованы следователем для выявления свидетелей и оценки их показаний. Так, например, если по делам о хищении нужно восстановить содержание утраченного документа, то, по возможности, следует допросить его исполнителя, или тех лиц, у которых отклонение от нормального хода работы учреждения вызвало определенные затруднения в работе.

Среди практиков распространено мнение, что более достоверным является показание об определенном предмете или явлении, если в его основе лежит повторное восприятие. С этим нельзя согласиться. Только на основе многократности восприятия нельзя считать подробное показание достоверным во всех его частях, а показание бледное, не содержащее интересующих следствие подробностей,—ложным. В этих случаях нужно исходить из анализа отношения допрашиваемого к данному предмету или явлению. Успешность запоминания при повторении зависит от того, насколько допрашиваемый понял сущность воспринимаемого, насколько оно было интересно и значимо для него и т. д. Обычный, примелькавшийся предмет настолько мало привлекает внимание свидетеля, что часто он не замечает в нем даже самые заметные черты.

В этой же главе освещены тактические вопросы допроса в связи с некоторыми закономерностями процесса сохранения в памяти допрашиваемого материала, интересующего следствие. При допросе следователь должен учитывать, какой вид или какие виды памяти хорошо развиты у допрашиваемого, чтобы иметь представление о том, какие именно факты или какие стороны этих фактов могли сохраниться лучше в его памяти. Установить эти особенности памяти допрашиваемого следователь может путем анализа его показаний и постановки специальных вопросов. С этой же целью могут быть допрошены и другие лица.

Образы, сохраненные в памяти, называются представлениями, они ассоциируются по смежности, по сходству и по контрасту, и все эти виды ассоциаций успешно могут быть использованы следователем для выбора приемов, мобилизующих память допрашиваемого. Из таких приемов особое значение имеет проведение допроса на месте происшествия.

Представления памяти в показаниях могут смешиваться и с представлениями воображения. Знание закономерностей ра-

боты воображения оказывает следовательно большую помощь в оценке достоверности показаний. С продуктами пассивного воображения следственная практика встречается в показаниях добросовестных, но заблуждающихся свидетелей, особенно несовершеннолетних, а также потерпевших. Активное воображение лежит в основе неискренних, недобросовестных показаний подозреваемых, обвиняемых и лжесвидетелей.

Многие приемы допроса подозреваемого и обвиняемого направлены на ограничение поля деятельности его активного воображения.

Обратным процессом сохранения материала в памяти является забывание. В диссертации подвергаются критике взгляды буржуазных криминалистов, высказавших огульное недоверие к показаниям свидетелей о фактах, имевших место в прошлом. Свои высказывания они аргументируют обычно «кривой забывания» Эббингауза. Порочность этой аргументации ясна уже из того, что указанная кривая характеризует забывание заученных бессмысленных слов. В следственной же практике допрашиваемые рассказывают о понятных для них фактах, а забывание такого материала происходит неравномерно, прежде всего за счет второстепенных, менее важных для допрашиваемого частей.

Подлежит особенному изучению криминалистами явление реминесценции, т. е. улучшение второго или даже третьего воспроизведения по сравнению с первым. Это явление было обнаружено Краси́льщиком в 40,5% опытов¹. В свете этих экспериментальных результатов в диссертации рассматривается вопрос о расширении практики проведения повторных допросов. Встречающееся на практике большое недоверие к новым моментам во втором показании свидетеля, не высказанным им на первом допросе, является необоснованным.

Заключительная часть главы посвящена тактическим вопросам допроса, связанным с закономерностями и способами воспроизведения допрашиваемым, запомненных им фактов.

Иногда допрашиваемый легко вспоминает нужный материал, в других случаях он его припоминает с трудом. Бывает и так, что допрашиваемый не может ответить на вопрос следователя, а потом по совсем другим обстоятельствам, не сознавая путь припоминания, вдруг вспомнит и то, что казалось уже забытым. Иногда допрашиваемый не в состоянии рассказать приметы какого-то предмета, но узнает его при предъявлении даже среди многих похожих. Все эти особенности воспроизведений имеют свои закономерности, из которых можно сделать ряд важных выводов для тактики допроса.

---

¹ Краси́льщик Д. П., Ученые записки Ленинградского государственного пединститута им. П. И. Герцена, т. XXXIV, Л-1940.

То, что вспоминается легко и быстро, является обычно самым достоверным. Это лишний раз подчеркивает важность неуклонного выполнения требований уголовно-процессуального закона (ст. ст. 150, 158 УПК РСФСР) о необходимости начинать допрос со свободного рассказа допрашиваемого.

Следователь имеет ряд возможностей оказать помощь допрашиваемому в припоминании трудно вспоминаемых фактов. Важнейшим средством является умелая формулировка вопросов. Так, например, правильный план допроса и выбор момента предъявления имеющихся по делу доказательств могут мобилизовать память.

На свободно возникающие воспоминания следователь рассчитывает, когда прерывает допрос и переводит разговор на не относящуюся к делу тему, когда в конце допроса возвращается к некоторым вопросам, на которые не были получены ответы в начале, когда просит добросовестного свидетеля сообщить ему, если он что-нибудь вспомнит после допроса, или когда вызывает его на повторный допрос.

Узнавание является значительно более легким и по объему более широким процессом воспроизведения. Некоторые тактические приемы допроса с использованием этого обстоятельства сводят более трудные формы воспроизведения к узнаванию. Так делает, например, следователь, когда допрашиваемый не может вспомнить фамилию определенного лица. Тогда следователь предъявляет свидетелю целый список фамилий. Из этого следует, что тактически правильно организованное опознание может быть успешно проведено и в том случае, когда допрашиваемый не может сразу назвать конкретных примет опознаваемого лица или предмета. Эта психологическая закономерность также лежит в основе тактического приема, называемого в юридической литературе «выходом на место», «воспроизведением показаний на месте происшествий» и т. д.

При допросе, основанном на использовании процесса узнавания, ни в коем случае нельзя прибегать к наводящим вопросам. Ибо, когда допрашиваемый узнает, то воспроизводит то, что запечатлелось в его памяти, а при наводящем вопросе он «узнает» в соответствии с желаемым следователем ответом. Ст. ст. 158 и 165 УПК РСФСР строго запрещают задавать свидетелю наводящие вопросы. Следователь должен продумать каждый задаваемый вопрос не только по форме и содержанию, но и по месту, занимаемому в ряде других вопросов, должен остерегаться внушающего действия интонации голоса, жестов, мимики, выражения удовольствия или разочарования ответом и т. д. Внушаемость допрашиваемого возрастает с ростом его доверия к следователю, а это лишний раз подчеркивает особую важность требования, предъявляемого к сле-

дователям социалистических стран, — остерегаться применения наводящих вопросов.

Четвертая глава посвящена вопросам использования некоторых особенностей мышления для получения правдивых показаний. Обычно под процессами формирования показаний понимают только процессы ощущений, восприятий и памяти. Во всех этих психических процессах человека участвует мышление. Ко всем органам чувств, и, в том числе к нашему глазу «присоединяются не только еще другие органы чувств, но и деятельность нашего мышления»¹. Допрашиваемые обдумывают и вопросы следователя и свои ответы. Поэтому мышление, как психический процесс, тоже участвует в формировании показаний.

В первой части главы рассматривается вопрос о значении суждений и умозаключений, высказанных допрашиваемым в своих показаниях.

Буржуазные криминалисты, не признавая единства психических процессов, считают, что мышление мешает органам ощущения в познавательной деятельности и требуют, чтобы допрашиваемые излагали в своих показаниях только факты, а не свои суждения о них. Исключение суждения из показаний является абсурдным требованием, без суждений невозможно речевое оформление.

Умозаключения же допрашиваемого сами по себе не имеют доказательственного значения, но они могут иметь большое тактическое значение. На их основе можно делать выводы о правильности показаний или о наличии неизвестных до этого следствию фактов. Отделить выводы от фактов—это дело следователя.

От фактов к выводу и от вывода к новым фактам—таков путь допроса, если следователь до начала допроса предъявляет обвиняемому улики и допрос начинает с вопроса о правильности вывода, о его виновности.

Иногда на допросе допрашиваемый сообщает факты и на их основе следователь делает выводы и спрашивает о согласии с ним допрашиваемого. Цель такого приема различна: в одних случаях следователь проверяет, правильно ли он понял допрашиваемого, в других—не знает ли допрашиваемый еще о каких-либо фактах, в-третьих—демонстрирует противоречивость сообщенных фактов и т. д.

Вторая часть главы посвящена исследованию методов, используемых следователем для того, чтобы ход рассуждений допрашиваемого направить на дачу правдивого показания.

Мышление допрашиваемого на допросе идет по общим путям человеческого рассуждения. В начале происходит анализ заданного вопроса, потом мобилизуется память, актуализи-

¹ Энгельс Ф., Диалектика природы, М, 1948, стр. 192.

зируются принципы, мотивы, определяющие отношение субъекта к задаче, поставленной следователем,—вспомнить и точно рассказать определенные факты, а потом начинается процесс применения этих принципов, мотивов к решению этой задачи. Внутренними условиями этого процесса являются «личностные особенности мыслящего субъекта, его мотивация, выражающаяся в том или ином отношении к задаче, его установки, прошлый опыт и приобретенные знания, его способности»¹. Эти факторы должны быть следователем учтены при определении тактики допроса. Из них в диссертации рассматривается мотивация допрашиваемого. Исследование же тактических вопросов допроса, связанных с личностными особенностями допрашиваемого, выходит за пределы настоящей работы.

Преобладающее большинство свидетелей — граждан социалистических государств руководствуется на допросе желанием оказать помощь органам правосудия. Эту правильную мотивацию следователь должен поддержать своим внимательным отношением к свидетелю и его показаниям, разъяснением важности дачи правдивого показания.

У некоторой части свидетелей дача показаний происходит при внутренней борьбе положительных и отрицательных мотивов. Следователь должен выявлять эти мотивы, подкреплять положительные и помочь допрашиваемому побороть в себе отрицательные мотивы.

Борьба мотивов еще сложнее в психике обвиняемого. В социалистических государствах, где нет организованной преступности, следователь, создав соответствующий психический контакт с обвиняемым, завоевав своим принципиальным и гуманным подходом авторитет перед ним, может и должен попытаться получить правдивое показание от него, апеллировав к его добрым чувствам, к совести, напомнив ему, что чистосердечное раскаяние, согласно ст. 38 УК РСФСР, относится к числу обстоятельств, смягчающих ответственность.

Не учитывать наличие положительных моментов в психике обвиняемого было бы ошибкой. Но нельзя впасть и в другую крайность—не вооружаться тактически против преступника, у которого стремление избежать ответственности за совершенное преступление окажется на допросе сильнее, чем голос совести.

Лучшим способом убедить опирающегося обвиняемого в бесполезности и невыгодности дачи неправдивых показаний является предъявление ему такой замкнутой цепи доказательств, которой он ничего не может противопоставить.

Опытный следователь может получить правдивые показания у обвиняемого и до такого предъявления. Значение этого

---

¹ Рубинштейн С. Л., О мышлении и путях его исследования, М., 1958, стр. 130.

показания очень большое, потому что оно может оказать следствию помощь в выявлении других, важных по делу доказательств.

Тактические приемы получения правдивого показания у обвиняемого основаны также на изучении особенностей мышления допрашиваемого. Так, следователь может, например, задавать существенные вопросы в такой форме, чтобы допрашиваемый не понял важности тех обстоятельств, которыми интересуется следователь, и поэтому ответил на них искренно. Можно также использовать и то обстоятельство, что допрашиваемый в некоторых случаях не имеет достаточной выдержки для обдумывания ответа, особенно если он не был подготовлен к заданному вопросу, не имеет представления об имеющихся в деле доказательствах и т. д. Поэтому вопрос рекомендуется задавать в такой последовательности, чтобы допрашиваемый был застигнут врасплох и не сумел бы сделать соответствующие выводы о наличии или отсутствии у следователя доказательств.

Дальнейшее изучение психологических процессов, характеризующих формирование показаний, несомненно обогатит следственную практику новыми, эффективными приемами тактики допроса.
